

Галина Русецкая¹

Abstract

The primary goal of this article is to consider specificity of a phenomenon of knowledge including scientific knowledge from the psychoanalytic point of view. I examine four types discourse of J. Lacan: Master, University, Hysteric and Analyst. The special attention is given to a hysterical discourse because it is constitutive for that type of knowledge which it is possible to name knowledge-enjoyment unlike know-how. The status knowledge-enjoyment is explicated at the reference to R. Rorty's works dedicated to epistemological problems of the social sciences.

Keywords: knowledge, hysterical subject, enjoyment, repetition, pleasure principle, finding and making.

В *Изнанке психоанализа* Лакан сводит всё возможное разнообразие форм социального взаимодействия к четырём разновидностям, репрезентируемым господским (Г), университетским (У), истерическим (И) и аналитическим (А) дискурсами. Воспроизведём для наглядности их схематическое изображение:

У	Г	И	А
$\frac{S_2}{S_1} \rightarrow \frac{a}{g}$	$\frac{S_1}{g} \rightarrow \frac{S_2}{a}$	$\frac{g}{a} \rightarrow \frac{S_1}{S_2}$	$\frac{a}{S_2} \rightarrow \frac{g}{S_1}$

Не абсолютизируя полноту покрытия всего поля дискурсивных стратегий четырьмя формулами Лакана, стоит признать продуктивность этой алгебры для анализа феномена знания, его идеологической составляющей, равно как и неочевидности различий между, к примеру, запросом истерика на полноту знания и научным поиском. Во вращающихся формулах Лакана интересны взаимнообратимость дискурсов, их генетическая общность, а также способы различения дискурсов. В этой круговерти математически усматривается не только структуралистские истоки теоретических построений Лакана, но и имманентная его мышлению ирония. Психоанализ, вопреки его вульгаризации, – это дискурс, отказывающийся от поиска истоков в пользу игры различий. Ещё Фрейд, двигавшийся на ощупь в поисках сцены, где говорит бессознательное, показал сложность и разнонаправленность ассоциативных связей психических содержаний. Смысл сновидения как целого исполнен отличным от смысла частей и частно-

¹ Галина Русецкая – магистр философии, преподаватель Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

стей образом; одно послание нейтрализует другое, манифестируя третье. Отсюда глубоко ироничная позиция психоанализа в отношении любых форм знания, расположенных в широком спектре измерений от сакральности до идеологической ангажированности или «нейтральной научной позиции».

Совместима ли ирония с нормативностью? Иначе: имеет ли психоанализ нормативное измерение? Этот вопрос не является праздным в свете разделяемого нами тезиса, сформулированного Жижеком как «обстоятельства никогда не говорят сами за себя». Эпистемологическое следствие этого утверждения – нейтральной научной позиции не существует. Тяга учёных к нейтральной позиции есть не что иное, как поиск жёсткого диссигнатора, позволяющего заменить «я так хотел» на «так это было».² Самообоснование является, пожалуй, неотъемлемым условием возможности всякой претендующей на актуальность исследовательской перспективы. Тем интереснее поставить вопрос о нормативности в отношении психоанализа. Чего хочет психоанализ? Предварительный ответ – игры различий, переописания способов артикуляции желания.

Четвероногие конструкции, изобретённые Лаканом, послужат нам точкой отсчёта для экспликации ряда вопросов и затруднений, которые мы не можем игнорировать, имея дело со знанием, прежде всего знанием, порождаемым общественными науками, движимыми общественными надеждами. Основные элементы этих четвериц:

g – субъект в качестве эффекта ретроактивного процесса, обозначающего неудачу идентификации (общее место лакановских построений);

S_1 – главенствующее означающее, то, что вводит субъекта в поле Другого, позволяет структурировать последнее;

S_2 – поле Другого.

маленькое a – объект-причина желания, запускающего работу означающих, принципиально несимволизируемое; эффект выброса, то, чем чаще всего пренебрегают, но что является крайне важной непрозрачной субстанцией для психоанализа.

Для Лакана важно алгебраическое измерение в описании всех типов дискурсов. Можно, конечно, сказать, что a – это *l'autre*. Но здесь важнее прописать структурную связь между элементами этих четырёх конструкций, нежели найти то, что скрывается за обозначениями. Маленькое a – это кажимость, пустая форма, запускающая желание.

Во всех этих формулах есть своя доминанта, элемент, от которого начинает плясать та или иная четверица. Как видим, в них соблюдена последовательность элементов. Формула просто вращается, поворачиваясь на 90 градусов. Таким образом, речь идёт

² Р. Рорти использует обратную перспективу. «Так это было» должно стать «я так хотел» в переописании талантливого нарратора; см.: Рорти Р. *Случайность, ирония и солидарность* / Перев. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

о дискурсивном поле, в котором есть неизменные структурные элементы, но изменяются точки отсчёта. Таким образом, любая из формул может с успехом репрезентировать все четыре дискурса в зависимости от нашего ракурса. К примеру, позицию аналитика можно идентифицировать и с позицией господина, и с позицией объекта *a*.

Во всех этих дискурсах нас интересуют понятие и статус знания. Как и многие положения теории Лакана, статус знания двусмысленный. Однако явным образом знание связано с наслаждением. Если *a* – это несимволизируемый источник, равно как и объект наслаждения, то знание – это граница наслаждения. Конечно, Лакан следует здесь за движением мысли Фрейда, запечатлённой в одной из его принципиально значимых работ *По ту сторону принципа удовольствия*. Открытие Фрейда состоит не только в выявлении феномена влечения к смерти в психической организации, но и в прорисовке динамической связи, тонкого баланса сил жизни и смерти. По Фрейду, влечения имеют разнонаправленный характер, в то же время влечение к жизни стоит на службе у влечения к смерти, обеспечивая уникальность пути к смерти. Где здесь появляется наслаждение? Для психики удлинить путь к смерти можно только путём вечного возвращения на ранние стадии (переживания) – путём повторения. Повторение обеспечивает иллюзию бессмертия. Однако стремление к повторению касается не только удовольствия, но и неудовольствия. Здесь уже Фрейд фиксирует двусмысленность феномена наслаждения: наслаждение возможно благодаря переживанию новизны, однако новизна – не что иное, как отыгрывание (повторение) вытесненного, то есть уже бывшего (независимо от того, удовольствием или неудовольствием оно сопровождалось). Вспомним неисчислимое количество историй, в которых действующие лица роковым образом разыгрывают один и тот же сценарий на фоне разных декораций. Повторение вытесненного – источник наслаждения второго порядка, никогда не знавшего первого. Повторение касается того, что нельзя вспомнить, то есть того, чего не было.

Сделаем ещё одну попытку понять Фрейда в его видении психического аппарата, задействовав понятия первичного и вторичного процессов.³ Первичные процессы связаны со вторичными в

³ Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в *Словаре по психоанализу* дают такое объяснение первичному и вторичному процессам «с точки зрения энергетике и динамики: в ходе первичного процесса психическая энергия течёт свободно, переливаясь из представления в представление посредством механизмов смещения и сгущения; при этом она стремится до отказа нагрузить представления, связанные с тем опытом удовлетворения, который порождает желание как таковое (первичная галлюцинация). А в случае вторичного процесса энергия «связана» с самого начала, поток её подконтролен, представления устойчиво нагружены, удовлетворение отложено, открывая дорогу мысленной проверке и сопоставлению различных способов удовлетворения»; см.: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. *Словарь по психоанализу*. М., 1996. С. 48.

соответствии с принципом подчинения удовольствию. Господство принципа удовольствия обеспечивает стремление психики к наименьшему количеству раздражений, к гомеостатическому, по сути, состоянию, что является свидетельством в пользу наличия влечения к смерти. Минимизация количества раздражения при переходе от первичного процесса к вторичному осуществляется посредством связывания или превращения подвижной энергии в статическую. Актуализация «забытых» первичных процессов, их отыгрывание, возвращает психику к близкой к стартовой точке движения, даря отсрочку смерти. Следовательно, наслаждение непосредственным образом связано с повторением. Повторяться же могут сюжеты, равным образом относящиеся к удовольствию и неудовольствию. Объединяющая их черта – это вытесненный характер.

Опуская иные увлекательные подробности поисков психикой, да и самим Фрейдом, возможностей «удлинения пути к смерти», перейдем к психоаналитической трактовке феномена знания. Знание позволяет не перейти наслаждению через край – к смерти. (Как наслаждение может перейти через край – отдельный вопрос.) Если повторение – это желание пережить наслаждение вновь и вновь, то знание выстраивает границы этого повторения-наслаждения, отщепляясь от него. Повторение – это «идентификация наслаждения»⁴. Но в повторении возникает дефект, неудача: невозможно пережить сюжет первичного наслаждения в точности. Похоже, что *знание – не что иное, как фиксация этой неудачи*. Для того чтобы длить (воспроизводить) наслаждение, необходимо забвение. Забвение является залогом возможности возобновления наслаждения в тех или иных формах. Кто же по собственной воле будет стремиться обрести полноту знания, вспомнить с тем, чтобы утратить эту возможность наслаждаться? Таким образом, в орбиту повторения включено сопротивление, сопротивление воспоминанию, что позволяет Лакану, походя уничижая недомыслие психоаналитиков в их навязчивом стремлении преодолеть сопротивление анализанта, утверждать, что оно (сопротивление) имманентно жизни, оно – источник воспроизводства наслаждения.

Среди прочих трактовок знания Лаканом есть и очевидная: *знание – это наслаждение (от) Другого*. Иными словами, всегда есть возможность перевести стрелки, передоверить наслаждение Другому хотя бы для того, чтобы избежать его (наслаждения) перехода через край. С другой стороны, если я отказываюсь знать о себе в наслаждении, требуя его полноты, то полагаю, что кто-то другой должен знать об этом. Так появляется истеричка, передоверяющая своё наслаждение аналитику, требующая расшифровки смысла своих телесных недугов. Почему я занимаю эту символическую нишу? Почему моё наслаждение недоступно мне в полной мере? И вообще, почему я? Истеризация дискурса – то, что при-
сутствует запросу на знание.

⁴ Лакан Ж. *Семинары. Кн. 17: Изнанка психоанализа* / Перев. А. Черноглазова. М.: Гнозис/Логос, 2008. С. 54.

Обращение к четырём типам дискурсов Лакана необходимо настолько, насколько мы хотим прояснить специфику знания. В случае с господским дискурсом Лакан задействует гегельянский сюжет диалектики господина и раба. Знание появляется в качестве избыточного наслаждения во взаимоотношениях этой пары. Для нас важен здесь статус знания, которым обладает раб, как утверждает Лакан. Что касается господина, то у него первоначально есть занятия поинтереснее, нежели обрастать знанием. Он не знает, чего хочет, иначе он не был бы господином. Иное дело – раб. Он, кроме всего прочего, знает, чего хочет господин.

Далее начинается процесс изъятия знания у раба. Раб отвечает на вопросы господина, которые, понятное дело, своей постановкой диктуют ответы. Эта «коммуникация», безусловно, имеет форму насмешки. Цель такого обращения – *похитить знание*. Знание, которое в дальнейшем станет инструментом философии. Философия использует операцию изъятия знания у раба, поставленную на службу господину. В отношениях господина с рабом и появляется некий остаток, или осадок, или, как сказала бы Джудит Батлер, нарост на логике. Это избыточное наслаждение, или то, для чего Лакан заимствует у Маркса понятие прибавочной стоимости. Знание и наслаждение, таким образом, порождены отношениями господина и раба, а измерение господства–подчинения вписано в любое знание.

Нужда в господской фигуре оказывается успешно встроенной, в частности, в дискурсы, занятые поиском эмансипации, ведомые мотивом «мужества пользоваться своим умом»⁵. В конечном счёте, любой эмансипационный пафос в качестве оборотной стороны имеет целью установить границы дозволенного. Работа Канта в этом смысле содержит ту же интенцию, которая есть у любого ребёнка, испытывающего на прочность родительские запреты. Здесь же маячит и фигура истерика, конститутивная для нашего изыскания. Ничто так не желанно для истерика/истерички, как возможность узнать, где проходит ограничительная линия (метка) его/её требований. Поэтому так мучительна свобода, её разреженный воздух невыносим, пока мы не наделим её чертами патологии, не выразим в терминах неудачи и провала. Как полагает Жижек, человек нуждается в провокации господина.⁶ Его интерпретация кантовского призыва к автономии означает перемещение господского надзора из «внешнего» порядка во «внутренний», где «автономный» субъект научается «самостоятельно» выстраивать собственные пределы. Следуя за Кантом, мы получаем господина, которым можем манипулировать. В этой инверсии Жижек усматривает сходство с вопросом об автономии/зависимости женского субъекта в отличие от мужского. (Суть в том, что женщина в каче-

⁵ Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. *Собр. соч. в 6-ти тт.* Т. 6. М., 1966. С. 25–35.

⁶ Жижек С. *Устройство разрыва. Параллаксное видение.* М.: Европа, 2008. С. 83.

стве субъекта самоустранения оказывается близкой к субъектной позиции аналитика, позиции, противоположной господской.)

Следует заметить, что Лакан не ведёт речь о необходимости избличения какого-либо из четырёх дискурсов либо обозначении преимуществ одного по отношению к другим, что не мешает ему использовать понятие «*тирания знания*».

В перипетиях курсирования знания от раба к господину появляется философия как отдельный дискурс, который Лакан называет университетским. Философия, рождаясь в трещинах социальных конвенций, со временем становится университетским дискурсом, который лишь номинально отличается от господского. Эгократия – неотъемлемая черта университетского дискурса. Университет становится держателем знания. Эгократия же, как представляется, выражается в автоматическом отождествлении того, кто находится по эту сторону университета, со знанием как таковым или с источником знания. Если для господина важно обладать знанием, то для университета важно быть им. Как утверждает Лакан, в университетском дискурсе место объекта *a* (источника и объекта наслаждения) занимает студент, который становится единцей стоимости.

Является ли психоанализ принципиально иным дискурсом? И нет, и да. Существенное размежевание осуществляется по критерию статуса объекта *a* в обозначенных выше типах дискурсов. В отличие от трёх остальных, для аналитического дискурса объект *a* является отправным пунктом, основным интересом, а не прибавочным эффектом. То, что в университетском и господском дискурсах является избыточным довеском, для психоанализа становится основным элементом, вокруг которого вращаются остальные. Здесь можно вспомнить о том, как меняется роль объекта *a* от раннего к позднему Лакану. Это изменение в равной мере затрагивает и представление о терапевтическом эффекте психоанализа. Если первоначально Лакан ведёт речь о преодолении фантазма и размещении желания анализанта в символических координатах, то позднее терапевтический эффект полагается в принятии плотного несимволизируемого психотического остатка, так и или иначе отсылающего к реальному, в качестве единственного основания субъекта.

Философия присваивает знание, добытое господином, и образует университетский дискурс, который воспроизводится благодаря наличию основной единицы стоимости – студента. Аналитический дискурс в идеале воспроизводится иначе. «Хороший аналитик – мёртвый аналитик» (Лакан), что означает несовпадение позиции аналитика с источником смысла, в котором нуждается анализант; аналитик всегда не договаривает, уклоняется от ответа. Принципиальная децентрация является условием возможности аналитического дискурса. Кружение вокруг смысла, страхующее от совпадения позиции аналитика с позицией субъекта якобы знающего, – основное отличие аналитического дискурса, такого, каким

видели его Фрейд и Лакан. В этом смысле понятно опасение Лакана относительно сближения аналитического дискурса с университетским. (Допустив, что философский дискурс всё же не совпадает в точности с университетским, осмелимся предположить, что он утрачивает свои позиции дискурса, существующего в зазорах социальных конвенций, тем стремительнее, чем ближе становится университетскому. С университетским в свою очередь случается подобное, когда он всё больше олицетворяет собой господский.)

Наконец, мы подходим к истерическому дискурсу, о котором принято вести речь в связи со знаменитыми пациентками Фрейда. Из клинического случая Доры⁷ мы знаем о сложностях, с которыми сталкивается Фрейд, пытаясь отделить технику анализа, основанную на переносе, от содержания самого истерического запроса⁸. Истеричка мешает карты, Фрейд включается в пространство сложной иерархии идентификаций Доры с её ближним кругом. Фрейд может узнать, чего хочет Дора, только ценой этого поглощения собственной субъектной позиции истерическим запросом.

Истерический дискурс характеризует страстное *желание знания*. Знание здесь – запрос на полноту Другого. Полнотой знания предположительно обладает аналитик, который тем не менее должен уклониться от занятия позиции знающего ответ. Запрос на полноту знания со стороны истерического субъекта аналитик обращает в вопрос: ты говоришь мне это, но что ты имеешь в виду, говоря это? Истерического субъекта поджидает «разочарование», снабжённое терапевтическим эффектом: вместо полноты знания анализант получает сначала аналитика (место *A* занимает *a*), а затем безответность Другого.

Истерический дискурс, ведомый вопросом «*Почему я?*», выражает недовольство своей позицией в символическом пространстве, положением, никогда не отвечающим запросу. Очевидно, что в анализ приводит нехватка средств символизации травматического. Обретение неполного знания, что синонимично ретроактивному оформлению травмы, – скромный результат психоаналитической терапии. Используя терминологию Жижика, можно сказать, что пациент, убедившись в нехватке Другого (в отсутствии полноты знания в нём), получает свой символический мандат и превращается, говоря уже словами Фрейда, из невротика в обычного несчастного человека.

Истерический дискурс интересен и тем, как в нём сходятся три остальных. Философский дискурс, по мнению Лакана, «вдохнул в

⁷ Фрейд З. *Фрагмент анализа истерии (История болезни Доры)* // [Электронный ресурс] Точка доступа: file://localhost/C:/DOCUMENT~1/USER/LOCALS~1/Temp/Rar\$EX01.500/Фрейд,%20книги%201%20файлом/Фрагмент%20анализа%20истерии.html.

⁸ Подробнее об этом см.: Ольшанский Д. Истерическая социальность: работа переноса в случае Доры // *Психоанализ*. 2008. № 1(11). [Электронный ресурс] Точка доступа: file://localhost/D:/психоанализ/Дмитрий%20Ольшанский_%20Истерическая%20социальность.%20работа%20переноса%20в%20случае%20Доры.mht.

господина желание знания», сделав его истериком. Для Лакана Гегель – утончённый истерик, жаждущий полноты знания. На месте маленького *a* в истерическом дискурсе – провал, поэтому это место занимает аналитик. Он же олицетворяет собой и господский дискурс. Ведь истеричка формирует из аналитика идеального мужчину (господина). Аналитик же в статусе объекта *a* и господина одновременно со всех сторон окружён знанием: это, *во-первых*, знание, получаемое от пациента, и, *во-вторых*, знание, которым он предположительно наделён в силу своей позиции и которым, однако, не обладает. Здесь же, в аналитической ситуации (в речи анализанта, в его свободных ассоциациях), появляется *знание, которое не знает себя* – бессознательное. Благодаря этому знанию, которое не знает себя, возможно *эго, я*, которое знает, – знаток или маленький господин. Психоаналитик же должен дать возможность знанию, которое не знает себя, говорить – всего-то. Для этого он должен самоустраниться; таким образом, в нормативное измерение психоанализа входит самоустранение.

Основное напряжение между незнанием знания (бессознательным) и идеологическим знанием (знанием господина) можно попытаться эксплицировать посредством обращения к проблеме найденного и сделанного⁹ в науках. Для Рорти не существует принципиального различия между тем, что было выявлено как закономерность в реальности, якобы существующей независимо от нашего исследовательского взгляда, и тем, что было «изобретено» посредством мыслительных процедур. Корреспондентская теория истины не имеет смысла: то, что дано нам в качестве объекта исследования, неотделимо от специфики познавательных процедур, избранных нами для изучения этого объекта. Объекты осязаемой действительности (такие, как жираф) в силу исключительно понятийной их доступности, а не как-то иначе, – такие же конструкты, как и социальные конвенции. В психоанализе мы обнаруживаем нечто подобное. Господский дискурс довольствуется иллюзией обладания знанием, существующим самим по себе, в то время как знание, являющееся объектом внимания психоанализа, – это знание, не знающее само себя и не принадлежащее тому, кто его проговаривает. Рорти утверждает, что знание – результат «отражения» порядка «внешнего» существования объекта изучения в той же мере, в какой и производное «внутренней» установки. Единомышленников Рорти объединяет, по его словам, утверждение о том, что «естественные науки – это не попытка составить

⁹ Рорти Р. *Релятивизм: найденное и сделанное* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.google.by/search?ie=UTF-8&hl=ru&q=Rorty%20R.%20Relativism%3A%20finding%20and%20making.%201994.#q=Rorty+R.+Relativism:+finding+and+making.+1994.&hl=ru&prmd=imvns&ei=L6utTovrI8Sh-QbytbDmDw&start=10&sa=N&bav=on.2,or.r_gc.r_pw.,cf.osb&fp=c899d9acb287a842&biw=1246&bih=642.

верное представление о реальности, а просто попытка совладать с реальностью»¹⁰. Чем не описание господского дискурса?

Для Рорти действительность или объект научного интереса не существуют вне их языковой репрезентации (и в этом он далеко не одинок), и поэтому само понятие репрезентации избыточно, равно как и корреспондентская теория истины. Для Лакана и даже Фрейда также мало толка в корреспондентской теории истины; всякое означающее отсылает к сети иных означающих; установка на научную нейтральность – химера. Рорти предлагает перестать проверять понятия и теоретические модели на предмет их релевантности «реальному положению вещей», а сконцентрироваться на их релевантности нашим человеческим чаяниям, подвижным и изменчивым. Отсюда вытекает и его этическая установка: этический выбор – это не выбор между добром и злом, а выбор между «конкурирующими принципами»¹¹.

Дойдя до этического следствия эпистемологии прагматизма, мы обнаруживаем существенное отличие психоаналитического разрешения вопроса о найденном и сделанном. Для психоаналитика недостаточно сказать вслед за героиней фильма Вуди Аллена¹²: «Субъективность – категория объективная». Важно зафиксировать наличие структурного различия фатального несовпадения порядка обнаружения (в котором найденное и сделанное совпадают, как у Рорти) с порядком того, на что направлены поиски. Иными словами, проблема не в различии/совпадении найденного и сделанного (обнаруженного и придуманного), а в феномене обнаружения всегда не того, что отвечало бы чаянию. Это и есть проблема истерического субъекта, жаждущего знания – расшифровки своего симптома. Психоанализ предлагает решение этой проблемы, никогда не решаемой до конца, в чём и состоит залог её успешного «решения». Психоаналитическая этика предписывает неустанно удерживать в поле зрения разрыв между искомым и найденным, означивать его. В этом существенное отличие этики психоанализа от этики прагматизма.

Хотелось бы вспомнить ещё одну работу Рорти, вызывающую особое расположение. Это работа под названием *Троцкий и дикие орхидеи*. В ней Рорти делится с читателем историей своих интеллектуальных поисков, мотивированных вопросом «что значит быть человеком». Первое приближение к решению этого вопроса приводит к идее о необходимости «положить жизнь на борьбу с социальной несправедливостью»¹³. Это Троцкий. Однако есть ещё «божественные мелочи», такие притягательные и такие бесполезные для идеи справедливости. Это дикие орхидеи. Дальнейшая траектория интеллектуальной жизни Рорти так или иначе предопреде-

¹⁰ Рорти, *Релятивизм: найденное и сделанное*, указ. ресурс.

¹¹ Там же.

¹² Имеется в виду фильм «Любовь и смерть» (1975).

¹³ Рорти Р. *Троцкий и дикие орхидеи* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2001/3/rort.html>.

лена желанием объединить Троцкого и дикие орхидеи, или «объять действительность и справедливость единым взглядом»¹⁴. На определённом этапе, однако, Рорти признаёт несовместимость этих желаний. И уже в книге *Случайность, ирония и солидарность* доказывает, что приватное самосовершенствование поэта и публичная деятельность социального теоретика, мотивированная поиском справедливого социального устройства, несовместимы. Тем самым для Рорти приватное и публичное чётко маркированы. Именно этот тезис смущает Жижека, и, опираясь на психоанализ, он показывает, что дело обстоит сложнее.¹⁵ Приватное самосовершенствование всегда несёт на себе отпечаток проделок суперэго, а в публичную респектабельность всегда встроено чьё-то приватное наслаждение, поскольку суперэго существует за счёт энергии ид. Рорти не удалось объединить приватное наслаждение дикими орхидеями («божественными мелочами») и универсальный пафос справедливого мироустройства, поскольку изначально они не были разъединены. Психоанализ даёт нам в этой ситуации знание второго (другого?) порядка – знание о том, как именно связаны приватность и публичность (дикие орхидеи и Троцкий).

В *Изнанке психоанализа* Лакан в привычной для себя манере заявляет: знание – это энтропия. Это утверждение может показаться крайне эксцентричным, учитывая то обстоятельство, что его автор не спешит тут же пояснить, что он имеет в виду. Протрепачем эту работу если не самостоятельно, то с опорой на то знание, которое не подверглось вытеснению. С психоаналитической точки зрения желать знать – это повторять, длить наслаждение, в то время как знать – это идентифицировать повтор. Притязание на полноту знания (а к чему же, как не к этому стремится Рорти в своём желании объединить Троцкого и дикие орхидеи?) – стремление к энтропии, состоянию неразличимости порядков внутреннего и внешнего, которое, в конечном счёте, в своём фантазматическом измерении сулит перспективу допущения того, что мир хорош, что не существует границы между организмом и средой, или, другим языком, допущения возможности всеобъемлющей любви (того сорта любви, которому так чужд психоаналитический этос). Любовь к знанию движима стремлением к энтропии. Здесь можно согласиться с Лаканом, если мы во второй раз вспомним о феномене наслаждения и его соотношении с принципом удовольствия. Любая попытка (у)знать есть ретроактивный прыжок с захватом бесформенного ничто. В этом суть наслаждения знанием. Идеологически-эволюционистское представление о том, что знание множится и дифференцируется, в то время как оно лишь результат желания пережить заново опыт связывания первичных процессов со вторичными, – таково паралаксное видение двусмысленного харак-

¹⁴ Рорти, *Троцкий и дикие орхидеи*, указ. ресурс.

¹⁵ Жижек С. *Глядя вкось. Введение в психоанализ Лакана через массовую культуру* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/jijek_glada/default.aspx.

тера знания. Речь идёт о параллаксе между знанием-наслаждением и знанием-удовольствием. Сохранная функция удовольствия удерживает знание в пределах идеологически обжитого пространства, на которое всегда можно рассчитывать. Знание-наслаждение существует по ту сторону комфортабельного *savoir-faire*.

Запрос Рорти на полноту знания не может не тронуть. Но повторение невозможно один к одному. Аналитический дискурс оснащает постановку вопроса Рорти о Троице и диких орхидеях (социальной справедливости и божественных мелочах) структурной связью, где задействована диалектика принципа удовольствия и наслаждения.

Возвращаясь ещё раз к аналитическому дискурсу, мы начинаем понимать, почему 17-й семинар Лакан называет «Изнанка психоанализа». В случае дискурса аналитика мы вступаем в поле смены позиций. Аналитик всегда обманывает ожидание. Аналитический дискурс предполагает, что аналитик будет исключён из процесса конструирования его, аналитика, пациентом. Пациент здесь для начала занимает позицию господина – он вопрошает, выуживает знание из аналитика. Но суть аналитического процесса предполагает, как уже говорилось, смену позиций. Первоначальная смена позиций: от господина-пациента к господину-аналитику. Аналитик в свою очередь от роли господина переходит в статус объекта *a*, становится причиной желания анализанта.

Ещё одно небольшое дополнение относительно того, как рождается знание в психоанализе, касается *переноса* в качестве механизма, в котором сказывается любовь. Как нечто, в чём есть элемент искусственности (перенос), вызывает чувство, как принято считать, наименее подвластное контролю – любовь? Кроме как в режиме параллаксного видения мы не можем ухватить этот феномен. Ещё один параллакс – между искусственностью переноса и спонтанностью любви.

Попытка представить феномен знания с психоаналитической точки зрения имеет ряд следствий и перспектив. Первое, что здесь важно, – это реабилитация истерического субъекта. Истерический дискурс лежит в основе познавательного процесса; истерик/истеричка – тот, кто желает знать. Это знание, с которым имеют дело аналитик и анализант, сообща формирующие истерический и аналитический дискурсы, не является знанием типа *know-how*. Речь идёт о знании, имеющем отношение к феномену наслаждения в трактовке Фрейда и Лакана. К этому типу знания как нельзя лучше подходит определение Рорти – *искупительная истина*.

Как представляется, в основе любого знания, в том числе и научного, мы можем обнаружить следы знания, которое не знает себя. Это знание, имеющее циклическую природу, психоанализ рассматривает как результат повторения, вечного возвращения к невозможной полноте и целостности субъекта. Для перечёркнутого субъекта в этом возврате есть головокружительная опасность энтропийного характера. Парадоксальным образом новизна и

свежесть знания, в том числе и научного (независимо от его принадлежности к социогуманитарному или естественно-научному), возможны при условии интервенции в прошлое – прошлое знания, которое знало всё, включая себя. Имеет ли знание-наслаждение конвенциональный характер – это вопрос для отдельного исследования. Но, определённо, было бы заблуждением понимать его с эволюционистской точки зрения. Аналитический дискурс отдаёт себе отчёт в двусмысленном характере знания: желая получить наслаждение, получаем знание; запрос на счастье оборачивается знанием структурной невозможности его обретения; знание – обманка на входе и слабое утешение на выходе; наконец, знание – слабость, поскольку основной механизм его поиска в психоанализе – любовь, а любить означает «давать то, чего не имеешь, то есть то, что могло бы возместить собой эту изначальную слабость»¹⁶.

В заключение хотелось бы ненадолго задержаться на критической установке Лакана относительно университетского дискурса. Очевидно, что для психоанализа смертельную опасность представляет системная бюрократизация. В этом причина опасений Лакана относительно трансформации аналитического дискурса в университетский. Однако устойчивая маргинальность – вариант столь же небеспроблемный. Возможен ли психоанализ в университете? Этот вопрос имеет варианты ответа; есть разнообразие и в апробированных формах сосуществования. Для самого же университетского дискурса, если полагать вслед за Лаканом, что по ряду черт можно мыслить его относительно однородным, признаком жизни остаётся бесстрашие иметь дело со знанием-наслаждением.

¹⁶ Лакан, указ. соч., с. 62–63.